

Ванюшка насторожился. Выглянул на улицу и увидел, что к бараку шагают двое полицейских и с ними мужчина в штатском, в соломенной шляпе. Ванюшка было растерялся, но спохватился и скомандовал:

— Давай к окну!

Арби не торопясь зашёл за барак и одним прыжком очутился у крайнего окна. Окно отворилось, Ванюшка подал узел. Прижав его к груди, Арби пролез между досок забора и побежал куда глаза глядят. Так он оказался на окраине города и тут, как говорится, едва не попал из огня да в полымя. На перекрёстке стояли двое полицейских.

— Ты куда? — сердито окликнул мальчика один из них.

Арби растерянно отступил, повёл глазами в одну, в другую сторону, решая, куда лучше бежать.

— Что это у тебя такое? — грубо спросил тот же полицейский, но второй рассмеялся, довольный, что напугали мальчишку.

— Оставь, — сказал он. — Видишь, не понимает ни слова. На базар приехал. Очень уж они дики и пугливы, эти горские щенки.

— А как вырастут — не удержишь. Храбрость у них тоже дикая.

— И волчата трусливы, пока не подрастут.

Так, переговариваясь между собой, они пошли по узкой улице, уже не обращая на Арби никакого внимания. Мальчик долго стоял неподвижно, потом снова бросился бежать. Только далеко за городом он сел на траву, всё ещё прижимая к себе узел. Он уже понимал, что в узле — бумаги. Но что с ними делать? Для чего их нужно прятать и куда?

Он сидел, вытянув босые ноги, ощущая непомерную усталость. Наконец решил зарыть узел в землю и пойти посоветоваться с Бекой.

Арби отошёл в сторонку от дороги, руками вырыл ямку, опустил туда узел, а сверху тщательно присыпал землёй, закидал сухими ветками и листьями.

Не успел Арби дойти до барака, ему повстречался Ванюшка, спросил тревожно:

— Спрятал?

— Да.

Ванюшка коротко рассказал, что отца арестовали, дома всё перевернули вверх дном, но ничего не нашли. А раз не нашли, должны отца выпустить: дядя Фёдор говорит — улики нету. И вообще сегодня

была настоящая облава — у многих делали обыск, некоторых рабочих забрали.

Арби слушал спокойно, даже сдержанно, показывая всем своим видом, что он не навязывается с лишними вопросами, но Ванюшка уже знал эту манеру своего друга терпеливо ждать, пока ему объяснят непонятное. И Ванюшка решился заговорить о самом главном:

— Знаешь, что это за бумаги? Там написано, чтоб царя скинуть. Призывы такие. Листовки называются. Для рабочих.

— Царя?! — Арби не мог скрыть ужаса и изумления.

Спроси его, каков из себя царь, он, наверно, затруднился бы ответить, и в то же время он не мог представить, что кто-то осмелится решать, нужен царь или не нужен. Он просто существует — и иначе быть не может, — как существует бог и всё там остальное на небе вокруг него.

А Ванюшка продолжал:

— Помнишь, ты мне тогда помог... Ну, ещё усач за мной гнался. Это ведь я листовки на стенах расклеивал.

— А кто тебе велел?

— Ишь какой, много будешь знать — скоро состаришься. Погоди, узнаешь.

Пришли Бека и дядя Фёдор. Бека задал тот же вопрос, что и Ванюшка:

— Спрятал?

Арби стал рассказывать.

— А там не сыро? — поинтересовался дядя Фёдор.

— Нет.

— Тогда на ночь можно оставить. А завтра с Ванюшкой заберёте.

В комнате, разливая по кружкам жидкий чай, Бека сказал Арби:

— Гляди, брат, язык держи за зубами. Тот не мужчина, кто болтает лишнее и не умеет хранить тайну. Меня сегодня тоже вызывали в участок, спрашивали, что я знаю о своём мастере. А что я про него знаю, кроме того, как он работает? Хорошо работает. И других учит. Беднякам добра желает. А как он выполняет своё желание — меня, мол, не касается. Слышать ничего не слышал, видеть не видел.

— Видеть не видел, знать не знаю, ходить не ходил, — торжественно, как клятву, произнёс Арби.

Ванюшка и Витька

Арби и Ванюшка играли за баракom в альчики. Здорово умел играть Ванюшка! Не только у барачных, но почти у всех ребят из «Баронской слободки», как иронически прозвали эту нищую окраину города, он выигрывал. С самого дальнего расстояния точно попадал битком. Любил он и похвастаться:

— Э, разве так ставят? Смотри, как нужно. Ну кто так держит биток? Вот как надо. Ну, держи как следует и целься...

Эта страсть показать своё умение делала Ванюшку бескорыстным. Если другие мальчишки, следуя его советам, попадали в цель, он ликовал:

— А что? Не я тебе говорил? Эх вы, растяпы, соображать нужно!

Сейчас он тоже подсказывал Арби:

— Стань чуточку правее. Эх ты, не так...

Из барака вышел дядя Фёдор, позвал негромко:

— Ванюшка!

Ванюшка скрылся за дверью, а вышел уже совсем другим, деловитым и озабоченным.

— Иду по делу, — коротко сообщил он. — Дядя Фёдор и тебя позволил взять, если хочешь...

Мальчишки шагали по железнодорожным рельсам, до блеска отполированным колёсами тяжёлых составов. Дошли до серого приземистого здания вокзала. Перед ними вытянулась цепочка пассажирских вагонов, старенький паровоз тяжело дышал, фыркал паром, точно отплёвывался. В верхнем окне появилось запачканное сажей лицо машиниста. Ванюшка подбежал к паровозу, крикнул во весь голос:

— Дядя Коля, привет!

Машинист улыбнулся, дёрнул рукой рычажок — раздался оглушительный рёв.

— Слыхал? — похвалился Ванюшка. — Он всегда так здоровается.

Арби ещё ни разу не видел паровоз так близко. Он с удивлением разглядывал сложную машину: неужели человек может запомнить все

её части и спокойно управлять ими?

— А ты катался хоть раз? — спросил он у Ванюшки.

— Всё нету времени, — шмыгнул носом Ванюшка. — Попросимся как-нибудь. Думаю, дядя Коля не откажет.

...Перед ними открылась широкая улица. Навстречу катил нарядный, украшенный лентами и фонариками фаэтон, запряжённый парой холеных коней. На козлах рядом с кучером важно восседал Витька, сзади — пристав и его жена. На приставе всё лоснилось — околыш фуражки, начищенные сапоги, пуговицы, перчатки...

— Гляди, гляди, — заволновался Ванюшка. — Никак, удирает? Чего это ему на вокзал спешить? Пошли назад.

Прибывшие сошли с фаэтона. Арби и Ванюшка прилипли к запylённому окну. Отец и мать Витьки скрылись в кабинете начальника вокзала. Тогда Ванюшка осторожно постучал по стеклу.

Витька вышел, растерянно глядя на ребят.

— Драпаешь? — накинулся на него Ванюшка.

Витька молчал.

— Тебе говорят или нет? Забыл клятву?

— Да это мама к сестре едет. Я и не думал...

— Провожаешь, что ли?

— Она меня берёт с собой.

— А клятва?

— Я же вернусь.

— После дождичка в четверг? — презрительно скривился Ванюшка.

— Может, денег хочешь? — заторопился Витька. — У меня есть...

— Ничего не выйдет. Помни: если уедешь, я сразу вознесу молитву богу, чтобы поезд перевернулся кверху колёсами. — Ванюшка поднял глаза к чистому голубому небу. — А что? Думаешь, бог не услышит мою молитву? Услышит, раз ты нарушил клятву. И тогда все, кто едет в этом поезде — и ты, и твоя мамаша...

Витька в страхе отступил.

— Что ты, ой, не надо!..

Ванюшка даже не знал, что бил по самому больному месту. Для Витьки и его матери бог давно уже стал единственным защитником и советчиком. Так говорила Витьке мать. Но никто не приходил к ней на помощь, когда пристав обрывал её грубостью, насмешкой. Слова её он

выслушивал, снисходительно усмехаясь, точно она была совсем глупенькой. А Витька вообще не решался что-либо сказать при отце, отводил взгляд от его налитых кровью глаз.

И в то же время сам пристав был убеждён, что осчастливил и жену и сына. «Вот, мол, — говорил он всем своим видом, — позволяю вам сидеть у себя на шее, хотя пользы от вас ни на грош. За моей-то спиной припеваючи жить можно...»

Всё более молчаливой, робкой, поникшей становилась Витькина мать. Она больше не показывала сыну фотографий друзей своей юности — весёлых, энергичных студентов, а всё чаще молилась тому, кто единственный, казалось ей, приносит утешение страждущим. Вместе с ней молился и Витька, так же, как мать, растерянно и робко ступал по земле.

— Ясно? — сказал Ванюшка. Он видел страх на лице Витьки и не скрывал своего торжества. — Вот прямо сейчас и начну молиться. Пошли, Арби.

Они спрятались за углом и стали наблюдать. Они видели, как вышли отец и мать Витьки. Витька плакал, отец, побагровев, ругал его, мать часто прикладывала платок к глазам. Но вот мать, прижимая к груди руки, начала просить о чём-то отца. Пристав ответил ей кратко и грубо. Наконец Витьку усадили вновь на фаэтон и отправили домой. Мать издали торопливо крестила его, прижимая к губам платок.

Фаэтон свернул на широкую улицу. Ванюшка и Арби прицепились сзади, но на повороте соскочили. Ванюшка помахал Витьке рукой.

Арби был угрюм и молчалив. Он вдруг представил себя на месте перепуганного Витьки, и на душе у него стало нехорошо. Разве можно обращаться к богу с такой мстительной, злой молитвой? Ведь его просят о помощи, о справедливости. Не зная, как выразить свой упрёк, он сказал Ванюшке:

— Взял бы ты у него деньги...

— А зачем? Деньги трудно в руках удержать. Может, и возьму, если понадобятся. Стой, кажется, пришли.

Они остановились у небольшого, крытого железом домика; на гребне крыши горделиво высился вырезанный из железа петух.

— Тут зубной доктор живёт, — объяснил Ванюшка. — Чеченец. Я у него уже был один раз.

Он постучал в парадную дверь. На пороге появился худощавый седоволосый человек.

— Что вам угодно?

— Как поступают, если разболится зуб? — звонко отчеканил Ванюшка.

— Если дупло большое, лучше всего удалить, — в тон Ванюшке ответил хозяин, едва заметно улыбнулся и легонько подтолкнул мальчишек к сениям. Там он стал очень серьёзен и тихо спросил: — Вас прислали?

— Узелки велели взять.

— Хорошо. — Хозяин ушёл в комнаты и вернулся с двумя узелками. — Донесёте? Тяжёлые.

— Донесём, — решительно ответил Ванюшка и уже готов был уйти.

— Погодите, — остановил их хозяин. Он вышел со двора, поглядел во все стороны и лишь тогда разрешил — Ступайте. Будьте осторожнее.

— Есть! — откликнулся Ванюшка.

Кровники спускаются с гор

Нет, всё же на Ванюшку трудно было долго сердиться. Может, он нарочно пугал Витьку, когда грозил вознести богу свою страшную молитву? И потом, сказать по правде, Арби давно уже стал сомневаться в том, что до неба доходят даже самые праведные молитвы. Он попробовал рассказать про Ванюшкин поступок Беке, но тот искренне расхохотался:

— И этот дурачок поверил? Ну и ну! Да ведь Ванюшка просто посмеялся над ним.

Арби уже и сам так думал. Ведь, кроме Витьки и его матери, в поезде ехали десятки людей; так что же, значит, Ванюшка желал им зла? И своему другу — машинисту дяде Коле? Нет, конечно, это была шутка. И Арби снова проникся к Ванюшке полнейшим доверием.

Один раз во время прогулки по городу Ванюшка схватил Арби за руку:

— Смотри, настоящие горцы. Ну и шапки! Ох, здоровы!

Арби посмотрел в ту сторону, куда показывал Ванюшка, и сразу съёжился, спрятался за спину приятеля. Он узнал Супани, Маммида и его двоюродного брата Папаша.

Ванюшка засмеялся:

— Ты чего это? Будто того полицейского увидел.

— Они хуже полицейского, — шепнул Арби.

Тут до них донёсся ласковый голос Супани:

— Эй, ребятки, где тут воду найти?

— Мы не здешние, — через плечо кинул Ванюшка, загородил собой Арби и спокойно направился прочь.

Так мальчишки прошли почти два квартала. Арби был не на шутку напуган. Ведь если бы его узнали, могли найти Беку. Непременно выследили бы.

— Эх, жаль, я по-вашему не понимаю.

— Зачем тебе?

— Вернулся бы, подслушал, про что говорят.

— Постой-ка, — остановился Арби. — Я и сам хочу знать, зачем они сюда приехали. Наверно, они надолго расположились, лошадей

кормят. Что, если через забор подслушать?

— Вот здорово! — оживился Ванюшка. — Там как раз живёт Сашка. Кто спросит — скажем, к нему пришли.

Они перелезли через дощатый забор и вдоль него пошли обратно. Остановились, когда с улицы явственно донеслись голоса приезжих.

— Город велик, надо возвращаться, — устало говорил Папаш.

— Разве только случайно наткнёмся, — поддержал Маммид. И у него голос был усталый — видно, спор шёл уже давно.

— Я уверен, и мальчишка с ним. Не зря он всё его навещал. — В голосе Супани звучала нескрываемая злоба. — Ух, попадись они мне!..

— Безжалостный ты. — Это снова Маммид. — Над сиротой издеваешься.

— А ты слишком добрый. У меня за убитого Ахму душа болит — нет ему покоя, пока ходит по земле убийца. Ты, видно, Беку тоже готов

пожалеть.

— Не умышленно же он это сделал.

— Вот-вот. Позор на всю твою семью, если люди тебя услышат.

— Меня только это и сдерживает, попраёков не хочется...

— А по-моему, — резко перебил Папаш, — всё это ерунда. Как совесть подсказывает, так и нужно поступить. Я много передумал за это время. Порядочный человек не упрекнёт, а если какая собака лает попусту...

— Ты что это говоришь? — взъярился Супани. — Зачем ты тогда ехал с нами?

Папаш не спеша ответил:

— Хотел защитить Беку, если бы вы на него наткнулись.

Сквозь узенькую щель в заборе Арби увидел, что Супани едва не подпрыгнул от бешенства, смешно растопырил пухлые руки.

— Ты что? Клянусь кораном, я на всю Чечню опозорю вас, трусы!

Тут не выдержал Маммид:

— Если дойдёт до этого, неизвестно, кто из нас заслужил больший позор. Не думай, мы про тебя тоже кое-что знаем. Да и не только про тебя...

Супани хотел ответить и не мог — его душил гнев. Он сплюнул в сторону и отвернулся. Папаш весело подмигнул Маммиду. Супани постоял недолго, о чём-то раздумывая, потом подошёл к своему коню, подпрыгнул несколько раз и наконец, кряхтя, взобрался в седло.

— И дурак же я! — крикнул он. — Верно говорят: не связывайся с нищими, у которых и дырявого пятака-то нет в кармане.

На молодом смуглом лице Папаша отразилось неподдельное изумление.

— Вот ты как заговорил! А мне-то казалось, что ты выше всего ценишь храбрость. Ну, я не позавидую твоему богатству, каждый твой рубль проклят народом, слезами сирот полит...

Супани хлестнул коня плетью и помчался прочь.

— Будь ты ещё раз проклят! — крикнул вслед ему Папаш. — Это твоё змеиное жало виновато, что никому нет покоя.

— Да, — сказал Маммид, — сколько мы сил потратили — устраивали Беке засады. Позора боялись... Болтовни этой змеи. Верили ему как слепые. И ведь знали, каков он сам! Давно следовало простить Беку, но и теперь не поздно.

— Весь аул спасибо скажет, — радостно подхватил Папаш.

Сияющий Арби отстранился от забора и посмотрел на Ванюшку. Это было очень вовремя. Сзади к ним давно уже подкрадывалась старуха с длинным прут в руках.

— Нам бы Сашу, — поспешно сказал Ванюшка.

— Вижу я, какого вам Сашу. — Она подняла прут и, смешно раскачиваясь, погналась за мальчишками. — Порядочные люди через ворота приходят. Огурчики вам нужны с огорода, а не Саша.

Арби и Ванюшка перелезли через забор, выскочили на улицу.

Примчавшись домой, Арби обо всём рассказал Беке. Тот вначале даже не поверил такому счастью. Снова и снова просил повторить каждое слово Маммида, каждое слово Папаша, смеялся от души над бессильной злобой Супани. Он схватил Арби на руки и закружился с ним по комнате.

— Я всегда знал, ещё твой отец говорил, что Маммид — настоящий мужчина.

— Теперь, если я его встречу, я сам попрошу тебя простить, — сказал Арби.

Отворилась дверь, вошёл дядя Фёдор. Арби и ему рассказал обо всём подробно. Дядя Фёдор внимательно слушал.

— Иначе и быть не могло, — хлопнул он Беку по плечу. — Горцы — люди благородные, любят справедливость. Ничего, недалеко то время — плохо придётся этим разным Супани. А ты что будешь делать, Бека: уйдёшь в горы или останешься с нами?

Бека хорошо понял, что под словами «с нами» дядя Фёдор подразумевает рабочих, всех тех, с кем молодой горец связал себя в последнее время не только общей работой, но и общими заботами в большом и малом.

— Я тебя не уговариваю, пойми, — негромко продолжал дядя Фёдор. — Но главный удар по богачам мы должны нанести здесь. А в помощь подыдем аулы. Ну как?

— Уехать в аул я всегда успею, — отдельно ответил Бека. — Сердце не позволит мне оставить друзей, пока я тут нужен. Моё место — рядом с вами. В ауле никто по мне не скучает. Верно, Арби?

Арби грустно улыбнулся — в памяти промелькнули лица Бексолты, Санет, Хамида.

— Не горюй. Придёт время, на крыльях полетим в наши горы...

Дядя Фёдор крепко, по-товарищески пожал Беке руку.

Во дворе Арби тихо спросил у Ванюшки, почему это дядя Фёдор сегодня без костылей.

— Говорит, мешают они ему. Большие дела, говорит, начинаются. А у самого ещё рана не зажила. Вот это человек, да?

Тревожная ночь

Ванюшка подошёл, присел на лавочку возле Арби и пригорюнился. Куда девались его лихие словечки, удалое хвастовство! Сидит, губы кусает и молчит. Видно, всерьёз чем-то огорчён.

Солнце вдали опустилось за горделивые горные вершины. Слабый ветерок ерошил рыжеватые Ванюшкины вихры, точно отвлечь хотел мальчика: не грусти, мол, у тебя ещё столько интересного впереди! Перешёптывались, пританцовывали листья на тоненьких деревьях, что посадил весной у барака Ванюшкин отец.

Ванюшка сжался в комок и сказал, ни к кому не обращаясь:

— Помогаешь, стараешься, а чуть что — сразу ма-аленький. — Последнее слово он протянул с такой злостью и обидой, что Арби невольно улыбнулся.

— Ладно, в общем, — тут же перевёл разговор Ванюшка. — Могли и не прогонять, я бы сам ушёл. Очень нужны мне их «конспиративные дела»! Пойдём в город?

— Пошли.

Наползали сумерки. У кинематографа Ванюшка по складам начал разбирать афишу, на которой был изображён человек с перекошенным от ужаса лицом: «Воз... возвра... вращение из ада».

— Эх, поглядеть бы, жаль, денег нет.

— Может, у Беки попросить?

— Погоди, чего мне быть дураком? Возьму у Витьки. Сам ведь навязывал.

— А он дома?

— Куда он денется, маменькин сынок! Ясное дело, дома. Вот если только бай-бай в постельку не улёгся.

Ванюшка и Арби вышли на широкую главную улицу города.

На столбах покачивались подслеповатые фонари, выхватывали из сгущавшейся темноты кусок тротуара, занавешенное наглухо окно, спину запоздалого прохожего.

Внезапно поблизости один за другим прозвучали несколько выстрелов.

— Ой, прячемся! — Ванюшка схватил Арби за руку и скользнул в подворотню Витькиного дома.

Послышались цоканье копыт скачущей лошади и частая дробь колёс по камням мостовой. Снова ударами хлыста прозвучали выстрелы, пуля со свистом пролетела мимо ворот.

Ванюшка выглянул. Он увидел: на расстоянии квартала от них, возле столба с тусклым фонарём, упала лошадь и опрокинулась линейка. Три человека бежали, прижимаясь к стенам домов.

Ванюшка пригляделся, позвал:

— Дядя Фёдор, Бека, сюда!

Все трое свернули в подворотню; ребята заметили блеснувшие наганы.

— А вы что тут делаете? — накинулся на мальчишек дядя Фёдор.

— Так просто...

— Надо скрыться, — напомнил Бека.

— Погодите, — вмешался Ванюшка, — в этом доме можно спрятаться.

Никто и возразить не успел — Ванюшка бросился во двор, остановился под окном дома и тихо постучал.

— Кто там? — послышался тонкий Витькин голосок.

— Витя, это я, Ванюшка, отворяй быстрее.

Дверь отворилась. На пороге стоял Витька в коротких до колен штанишках, с полотенцем через плечо.

— Ты чего так поздно?

— Дело есть. Клятву помнишь? Сегодня ты должен её выполнить. Отец дома?

— Дома, — уныло кивнул Витька. — Гуляет там с друзьями, в крайней комнате. А что?

— Витька, ты должен спрятать меня и моих друзей, тогда будешь настоящий человек. И больше ты ничего не должен, понял?

— Заходите. Я вас у себя в спальне спрячу.

Ванюшка поманил прижавшихся к стене дома взрослых. Все на цыпочках прошли в сени, а оттуда в маленькую спальню Витьки. Фёдор задул лампу, но Арби успел разглядеть разобранную постель, вышитые коврики на стене и на полу. Первую минуту стояли затаив дыхание. Дядя Фёдор выглянул в окно и отшатнулся. Полицейские бежали по улице, навстречу друг другу. Один полицейский свернул во

двор, и почти тут же раздался громкий стук в дверь. Витька хотел выйти, но дядя Фёдор удержал его. Стук повторился ещё настойчивее.

В сенях послышались голоса:

— Как? Неужто из-под носа ушёл, дуралей?

— Кто мог ожидать...

— Ну, вы-то у меня дождётесь! самого главного, Серго, упустили. Мерзавцы! — грохотал начальственный бас пристава.

— На допрос везли...

— Вот я вам устрою допрос. Обыскать все закоулки! Доставить живыми или мёртвыми! Я сейчас иду.

Громко хлопнули двери, и всё затихло. Но вскоре снова прозвучали тяжёлые шаги, пристав громко позвал:

— Эй, сынок!

Бека на всякий случай припёр дверь, но тут другой голос сказал:

— Оставь, спит, наверно. Не до него сейчас. Послушный у тебя сынок, не озорует без матери.

— Я ему поозорую! — самодовольно отозвался Витькин отец. — Я его во-о как держу. Ну ладно, я с той стороны запру.

И снова тяжело хлопнула дверь. Щёлкнул замок. Все долго ещё стояли молча, прислушиваясь к удалявшимся шагам. Бека рукавом отёр пот со лба. Наконец дядя Фёдор скомандовал:

— Пора, товарищи. Как тебя зовут, мальчуган?

— Это Витька, — поторопился ответить Ванюшка.

— Ты хороший и смелый парень, Витя. Оставайся таким. И, гляди, про нас ни гугу.

Витька приосанился, впервые гордо и прямо посмотрел в глаза Ванюшке. Арби подумал, что сейчас он вовсе не похож на того маменькиного сынка, который в страхе пятился от них на вокзале.

Витька бесшумно отпер окно, выглянул во двор и ободряюще кивнул нежданным гостям.

Первым, охнув, выпрыгнул дядя Фёдор, за ним Бека и их третий молчаливый товарищ — курчавый, с чёрными усами. Уж не его ли Витькин отец назвал «главным»? Не Серго ли он?

Ванюшка пропустил Арби вперёд, а сам задержался на подоконнике.

— Ты, Витька, на старое не обижайся, лады? Клятву забудь, а так я тебе первый друг. Только плавать научись.

Дядя Фёдор вернулся, торжественно, точно героя, подхватил Ванюшку на руки.

Уже на улице дядя Фёдор сказал:

— Вы хоть поняли, товарищи, в чьё гнездо мы попали? Своей волей навряд бы мы сюда завернули. Ох уж этот Ванюшка! Ну, фокусник...

В плену у Супани

Шёл последний месяц зимы...

Арби ещё спал на расстеленной на полу тёплой кошме, когда в комнату ворвался Ванюшка и принялся отплясывать лихую чечётку, сам себе подпевая. Арби разозлился было спросонок, но тут же засмеялся — больно уж комично отплясывал его дружок.

Ванюшка ещё несколько раз пристукнул каблуками сапог прямо над головой Арби и во всё горло крикнул:

— Скинули! Вверх тормашками — р-раз!

Арби не понял:

— Кого?

— Да царя же! Николку. Собирайся живее, в город пойдём. Наши уже все ушли. Эх, жизнь теперь начнётся!

Арби вскочил на ноги...

А город бурлил. На большой площади, в толпе рабочих, ребята увидели бритый затылок Беки, вылинявшую солдатскую фуражку дяди Фёдора. Мальчики с трудом проталкивались между людьми, когда дядя Фёдор поднялся на большой ящик и начал говорить.

Арби слушал, прижавшись щекой к чьей-то жёсткой шинели.

То, что ещё вчера произносили шёпотом, те слова, за которые Ванюшка едва не попался в руки полицейского, сегодня дядя Фёдор произносил во весь голос, и слова эти гремели над площадью, как огромный колокол.

Арби посмотрел на Беку. Глаза Беки сияли чёрными звёздами — никогда ещё мальчик не видел своего друга, своего старшего брата таким счастливым. Он протиснулся поближе и прижался к плечу Беки. Тот оглянулся, заметил его.

— А где Ванюшка?

— Там, сзади.

Бека вытащил из кармана серебряную монетку.

— Держи. Такого праздника ещё не бывало. Купите себе, чего душа пожелает...

Магазины стояли на замках, лавочки попрятались. Лишь мелочные торговцы зазывали покупателей на все голоса, будто им и

дела ни до чего не было. Как и раньше, были видны фигуры полицейских, но блюстители порядка сегодня отличались отменной любезностью.

Долго слонялись Арби и Ванюшка по рядам, купили и конфет, и пряников, а у выхода наткнулись на знакомого полицейского.

— Всё ещё тут шляется? Вот надеру уши...

— Права не имеете! — заявил Ванюшка. — Царя нету, всем теперь свобода.

Вокруг засмеялись.

Полицейский побагровел от злости:

— А ну, пшёл отсюда, я те покажу свободу!

Ванюшка сделал полицейскому нос и удрал, Арби за ним.

У поворота улицы путь им преградила толпа женщин. Какая-то старушка говорила:

— Своими глазами видела, жуть народу у тюрьмы собралось. Кажись, арестантиков выпустят.

Ванюшка дёрнул Арби за руку:

— Не отставай! Значит, папку освободят.

На мосту Арби остановился:

— Ой, Ванюшка, смотри, кто идёт...

Но тот уже и сам увидел отца, мать, дядю Фёдора. Он опрометью метнулся навстречу и повис у отца на шее.

И ни Ванюшка, ни взрослые не заметили, когда отстал от них, потерялся Арби...

Знай Арби, что случится с ним через несколько минут, разве отстал бы он от своих! Но так уж получилось: когда все, занятые разговором, шагали по улице, Арби неожиданно заметил в одном из переулков Супани. Держа коня на поводу, тот степенно шествовал к базару в сопровождении незнакомого человека в щеголеватой черкеске и папахе.

Арби скользнул за ними в надежде снова услышать что-либо важное о Беке или о себе. Дошли до базара. Супани и его собеседник остановились. Но разговор на этот раз показался ему неинтересным.

— Да, да, полнейшая неразбериха, — жестикулировал человек в черкеске. — Но нам предстоит создать своё крепкое государство — Горскую республику. Возможности у нас богатые. Свяжемся с другими мусульманскими государствами. Нам очень нужны такие влиятельные

люди, как вы. Я вас познакомлю с нашими... Не сейчас, попозже. Они пока в отъезде. Непременно познакомлю.

— Благодарю, благодарю, — важно кивал Супани.

— Ваша задача — показать в аулах, как опасны русские... Ну, эти самые рабочие, голодранцы. Во всех бедах они одни виновны. Что ни день, убивают горцев, хотят всех мусульман обратить в свою русскую веру. Передайте нашим муллам: довольно сидеть в мечети сложа руки...

— Всё, всё сделаем, это легко. Будь они прокляты, безбожники! — Супани скрипнул зубами и стиснул рукоятку кинжала.

— Не так-то легко, но необходимо.

Чем дальше, тем скучнее становилось Арби. Он выбрался из-за лошади и хотел скользнуть в толпу. Мимо проходил казак-офицер. Он отдал честь и поздоровался с собеседником Супани.

— А вот этот русский... за нас, — проговорил тот несколько растерянно. — Ну, мне некогда, извините. Счастливо вам добратся.

Провожая офицера недоверчивым взглядом, Супани вдруг заметил худенькую мальчишескую фигурку, весь подался вперёд, натянул повод.

— Эй! — закричал он пронзительно. — Мальчик!

— Что случилось, кунак? — обратился к Супани мужчина лет тридцати в надвинутой на самые глаза кепке, который давно уже тёрся поблизости.

— Мальчик, — повторил Супани, вытянув руку. — Вон, вон! Беглый. Мой мальчик!

Человек в кепке мгновенно понял сбивчивую речь Супани, особенно когда увидел уголок толстого бумажника.

Арби потерял какую-нибудь секунду, не больше, — точно заворожённый, он прислушивался к каждому слову, которое произносилось за его спиной.

Всего одна секунда, но бежать теперь уже было поздно.

Тот, в кепке, нагнал Арби и схватил сзади. Худые руки оказались цепкими, как железные клещи.

И вот Арби уже стоит перед Супани, который, вытащив бумажник, отсчитывает мелочь. А собравшиеся вокруг люди поучают:

— Ремня тебе дать, чтобы не бегал из дому. Отец должен гоняться за тобой, ночи не спать...

Арби молча глотал слёзы. Самый добрый из этих людей сейчас не пожалеет его. Ещё бы! Ведь они приняли Супани за его отца. Это казалось особенно обидным. Эх, Ванюшка, Ванюшка, верный друг! Ну появись же, придумай что-нибудь, выручи...

Супани взобрался на коня. Человек в кепке поднял Арби, помог усадить его впереди.

— Испасеб, испасеб, — важно благодарил Супани.

Выехали за город. Арби давно перестал плакать. Он решил, что всё равно сбежит из аула и вернётся в город. Нужно лишь, как учил когда-то отец, получше приметить дорогу. Мальчик старался ни единым словом не отвечать на бесконечную брань Супани.

— Шайтан!.. Вот погоди, закую тебя в кандалы, щенок паршивый! Побегает у меня. Связался с этим паршивцем Бекой...

Тут Арби не выдержал:

— Бека не паршивец, а хороший человек.

— Нет, паршивец. Дрянь, бандит.

— Сам ты дрянь.

Супани ткнул Арби кулаком в затылок.

— Смотри-ка, чему научился! Ничего, я тебя отучу. И твоему Беке недолго осталось гулять. Теперь-то я знаю, что он в городе.

Арби снова затих. Он понял, что пререкания бесполезны — только тумачи заработаешь.

По обе стороны дороги тянулся густой кустарник. Птицы, пронзительно перекликаясь, кружились над голыми ветками. Были бы у Арби крылья!

Раздался выстрел. Супани удивлённо вскрикнул: «О аллах!» — и Арби почувствовал, как разжались державшие его руки. Он рванулся, упал с лошади, но даже не ощутил ушиба и спрятался за кусты. Сквозь ветки он видел, что лошадь стоит неподвижно, Супани вытянулся на земле, а к нему бегут два человека — один незнакомый, а второй в кепке, надвинутой на самые глаза...

Арби юркнул ещё дальше за кусты. Бежал он долго, цепляясь за ветки, не разбирая дороги, но внезапно опомнился и остановился. Только сейчас он ощутил холод — пиджак и рубашка были изорваны в лохмотья, нило ушибленное колено. Надо вернуться, выйти на дорогу, а то и заплутаться недолго. Да и темнеть скоро начнёт...

По своим же следам Арби пошёл обратно. Вот слышались приглушённые голоса. Он сделал ещё несколько осторожных шагов. Разговаривали те двое...

— Денег маловато.

— А мне казалось — много. Кто знал, что бумажник набит этой дребеденью. Каракули какие-то...

— Выкинь, на что они нужны.

— Да и бумажник потёртый.

— Ничего, от хорунжего ещё поживимся. Будет доволен, когда узнает, что мы уложили этого толстяка. Видно, старик в почёте был у своих. Зато опять можно сказать на этих голодранцев. Жаль, мальчишка ускользнул.

— Ты что? Ребёнок ведь. Идём, пока не поздно. Лошадь оставь, пригодится кому-нибудь.

В просветы между ветками Арби следил, как двое встали, пошли, тихо совещаясь, по дороге.

Нечего сказать, надёжных друзей приобрёл в городе Супани. А до чего же тот, в черкеске, доброжелательно напутствовал «союзника», как дружелюбно обещал познакомить со «своими»!

Спустя немного времени Арби выбрался на дорогу и прежде всего увидел старый пухлый бумажник. Он поднял его и спрятал за пазуху.

Домой Арби добрался ночью. Бека не спал — дожидался и сильно тревожился. Он удивился, увидев Арби в лохмотьях, стал нетерпеливо расспрашивать, но ещё больше удивился, когда увидел знакомый всему аулу потрепанный бумажник.

Бека заставил Арби рассказать всё по порядку, послал его разбудить Ванюшкиного отца. Вместе с отцом поднялся и Ванюшка, с безмолвным восторгом уставился на Арби, пошёл, поёживаясь со сна, следом.

Бека потребовал, чтобы Арби обо всём рассказал вторично и особенно подробно о разговоре, который он подслушал, сидя за кустами.

— Приёмы знакомые, — сказал дядя Михаил. — Боятся казачьи офицеры, меньшевики, чтобы не окрепла наша с вами дружба. Если бы не кровная месть, послать бы тебя по аулам... Пусть знают люди, что русским рабочим ни к чему враждовать с горцами.

— А я не боюсь. Вы же помните, какую весть ребята принесли о моих кровниках?

— Помню, но торопиться не к чему. Трое верных людей уже поехали. А ну-ка, погляди, что за дребедень там в бумажнике.

Все записки, вернее, расписки были нацарапаны арабскими буквами. Бека стал читать: «Взято в долг тридцать рублей». И подпись: «Али». Взято в долг десять, восемь рублей... А вот помятая, но тщательно разглаженная бумажка. Внизу подпись: «Махмуд». Бека взглянул на Арби. Мальчик, закусив губу, внимательно рассматривал бумажку, и перед глазами его отчётливо возникла картина, как отец отдал Супани деньги, гордо скомкал и бросил на землю возвращённую ему расписку.

— Пятнадцать рублей, — сказал Бека.

— Ой, да ведь Супани второй раз показывал ту же самую бумажку: дада сказал, что человек и без бумажек должен быть честным. Он же бросил её, а Супани подобрал, я сам видел...

И этот человек говорил о боге, о прощении, о вине Махмуда перед ним! Значит, бог был молчаливым союзником Супани, когда тот обманывал Санет, Хамида, когда его, Арби, сделал своим рабом? Нет, такой бог навсегда уходит из сердца Арби вслед за Супани, вслед за этой бумажкой.

Бека смотрел в лицо Арби с необычной для него нежностью и глубоким сочувствием.

— Да, малыш. — Он впервые так назвал Арби. — Чаще вспоминай своего отца, он хотел всех видеть честными и прямодушными. Вот что, ребята, ступайте сожгите во дворе все эти расписки, а пепел развейте по ветру. Держите спички...

В родном ауле

Царя свергли, а жизнь почти не менялась. Так же шла война, так же едва сводили концы с концами обитатели бараков.

Арби часто спрашивал Беку:

— А когда же будет новая жизнь?

— Терпи, брат, терпи, — отвечал Бека. — Будут перемены...

Ванюшка теперь ничего не скрывал от Арби. Он сообщал:

— Рабочие скоро ка-ак стукнут по богачам! Готовятся. И тогда установится наша, рабочая власть. Дядя Фёдор говорил. Они с отцом и дома-то почти не бывают, заняты сильно.

— Эх, скорее бы! — вздыхал Арби. Новую жизнь он представлял себе такой, что только живи да радуйся. Все стоят за одного, один за всех, любому врагу или обидчику такой отпор дадут — только держись!

Ожидали новой жизни и взрослые, но им ещё предстояло дать отпор врагам и обидчикам.

Однажды отец Ванюшкин зашёл к Беке, придвинул табуретку к маленькому столику.

— Пока ребята во дворе, хочу с тобой посоветоваться, — сказал он. — Ты знаешь, Ванюшка нам во многих серьёзных делах помогал. Вот и вообразил, что ему всё под силу. Такое иной раз выкинет! Ну кто бы додумался прятать вас в доме пристава...

— Нет, Ванюшка молодец! Голова у него хорошая и сердце тоже.

Дядя Михаил нагнулся, пряча улыбку, — любому отцу приятно слышать такой лестный отзыв о сыне. Но продолжал он ещё серьёзнее:

— Наша мать всё со мной воюет, боится за него. Времена наступают опасные. Хорошо бы отправить мальчишек в аул. Белогвардейцы и с детьми шутить не станут.

— Верно, я и сам этого хочу. Нужно отправить их в наш аул. Не отправить, а отвести.

— Самому не терпится там побывать? — спросил Ванюшкин отец. — Повременить надо...

— Нет, я не о себе. Фёдора бы с ними послать. Пусть отдохнёт немного, плохо ему. Там и друг есть, Хамид, примет. А дорогу я

объясню.

— Трудновато будет твоим знакомым. С продуктами-то сейчас...

— У нас говорят: где приготовлено для одного, там можно накормить и двоих. А Хамид ничего не пожалеет, хорошие они люди.

И уже на следующее утро дядя Фёдор, Арби и Ванюшка покидали город, уходили в горы по широкой дороге, которая постепенно становилась все уже.

Арби узнал место, где он вырвался от Супани, прятался в кустах. Он заново рассказывал друзьям страшные подробности этого события, которое навсегда врезалось в его память. Именно Супани заставил его ненавидеть аул, когда стала казаться чужой родная земля. Именно его, Арби, судьба сделала случайным свидетелем расправы над этим человеком...

— Не нужно, — сказал дядя Фёдор. — Ты лучше про свой аул нам расскажи.

О, теперь Арби так хотелось побегать по улицам аула между увитыми зеленью плетнями. А какой верный друг Бексолта! Он и с Ванюшкой подружится, иначе быть не может. А Санет готовит такие вкусные лепёшки — с розовой хрустящей корочкой: только мама Арби, Яха, пекла не хуже...

На закате солнца перед ними открылся аул. Минарет мечети в центре возвышался над всеми домами. А постройки вокруг были низкие, придавленные. Они казались бы ещё непригляднее, если бы не тонули в зелени садов.

На краю аула, на зелёном ковре травы, наши путники увидели большую ватагу ребят. Они играли... да нет же, отчаянно дрались. Арби с Ванюшкой заметили, как один мальчишка нащупал камень на земле и замахнулся. У его противника шапка сползла на самые глаза. Ещё бы, этого били сразу двое. Внезапно шапка слетела, открылось красное лицо, бритая голова.

— Бексолта! — завопил Арби и ринулся на защиту. Он повалил одного мальчишку, на второго набросился Ванюшка.

Бексолта недоуменно огляделся. Он не понял, отчего прекратился град сыпавшихся на него ударов, но решил воспользоваться нежданной помощью и стал колошматить мальчишку, которого держал Ванюшка.

Всё произошло так быстро, что дядя Фёдор не сразу опомнился.

— Прекратите, прекратите! — закричал он, когда понял, что драка идёт всерьёз.

Ребята, как по команде, перестали драться, все, кроме Ванюшки и Арби. Для мальчишек аула незнакомое слово прозвучало резко и устрашающе. Они растерянно глазели на незнакомцев, вмешавшихся в драку, и готовы были кинуться врассыпную. Дядя Фёдор осуждающе посмотрел на Ванюшку, и тот отпустил своего противника. Только Арби всё ещё сидел на спине мальчишки, хватавшего камень.

— Арби! — прикрикнул дядя Фёдор.

И тут же прозвучал отчаянный мальчишеский вопль:

— Арби! Арби!

Бексолта кинулся обнимать своего друга.

Ребята разделились на два лагеря. Друзья Бексолты окружили гостей, остальные отошли подальше и завистливо наблюдали.

— Вот он — мой друг, — говорил Арби, не выпуская руку Бексолты. — А это вот мои друзья... Мы будем у вас жить.

Бексолта от радости даже не нашёлся что ответить. Но зато обернулся к своим врагам и торжествующе крикнул:

— Теперь посмотрим, кто кого!

Нет больше кровных врагов

Дядя Фёдор собирался провести в ауле самое большое неделю. Горный воздух оказался для него, ещё не залечившего своих ран, по-настоящему животворным. Головные боли, которые в последнее время не проходили, заметно утихли с первого же дня.

Он старался хоть чем-нибудь отблагодарить хозяев за гостеприимство и каждый день находил себе работу в доме и во дворе. Да и вообще этот человек не умел сидеть сложа руки.

Как-то утром Хамид увидел, что Фёдор, поднявшийся раньше всех, обтачивает под навесом новые спицы для колёс арбы. Некоторые спицы давно уже следовало сменить, Хамид и сам об этом подумывал, да руки не доходили. Когда Хамид сказал, что собирается в лес по дрова, Фёдор обрадовался.

Серая лошадёнка шагала не спеша. За аулом дядя Фёдор прислушался, оглянулся и, смеясь, сказал Хамиду:

— Ведь обо всём пронюхают. Идут, чертенята, следом.

Хамид остановил лошадь:

— Ладно, пускай погуляют в лесу. — И он наугад помахал рукой.

Ребята вынырнули из-за кустов, догнали арбу и очень довольные взобрались на неё.

До леса было недалеко. На поляне у родника Хамид остановился. Ребята отправились бродить по лесу, а Фёдор и Хамид начали валить деревья, выбирая засохшие. Работал Фёдор быстро и ловко. Щепки летели во все стороны, дерево клонилось и с нарастающим треском и шумом валилось набок, а Фёдор умело принимался очищать его от веток.

Заметив, что Хамид с интересом наблюдает за ним, Фёдор засмеялся:

— Удивляешься, что знаю эту работу? В Сибири научился. Лесорубом я там был. За агитацию против царя сослали...

Высоко поднявшееся солнце осветило до краёв нагруженную арбу. Ребята ещё не вернулись.

— Пройдусь и я немного, — сказал дядя Фёдор.

Ноги ступали будто по войлоку, такой густой была лесная трава. Осторожно пробирался Фёдор вперёд, охваченный охотничьим азартом, как это бывает почти с каждым, кто с ружьём входит в лес.

Пройдя порядочное расстояние, он вдруг заметил на земле куропатку, вытащил из кармана наган, прицелился... и опустил руку. Нужно беречь каждый патрон, их и так немного.

Вернувшись на поляну, он увидел возле Хамида четверых горцев. Они поздоровались и попросили рассказать, что творится в России.

— Позавчера ночью, когда вы собирались у Ибрагима, мы не смогли прийти. Нам кое-что передали, но хотелось бы от тебя услышать.

Фёдор стал охотно рассказывать, как в России решили раздать крестьянам землю, как большевики восстанавливают разрушенное хозяйство. Он говорил медленно, перемешивая русские и чеченские слова.

— До нас тут про генералов доходят слухи...

— Появляются разные смутьяны, верно. Некоторые из них хотят установить на Кавказе свою власть. Но куда им против народа.

— Говорят, казаки за них...

— Только не все. Кто гнёт спину за кусок хлеба, за ними не пойдёт. Богатеи разве. Ну, а слепым скоро откроют глаза.

— Мы ещё хотим спросить... Почему русские враждуют с нами, чеченцами?

Фёдор отрицательно покачал головой.

— Неправда это. Что нам с вами делить? Вот, к примеру, я — русский рабочий, вы живёте в ауле — крестьяне. Ты на земле трудишься, для меня хлеб выращиваешь, я тебе разные нужные в хозяйстве инструменты присылаю. Ну чего нам враждовать?

Один из горцев — это был Маммид — подумал и ответил:

— Вроде бы нечего.

— В том-то и дело! — горячо подхватил Фёдор. — Но нам нужен настоящий союз, чтобы всем было хорошо. А некоторые боятся такого союза. Кто мешает нам стать братьями? Вы не думали?

Ребята уже вернулись и тихонько уселись на краю поляны, прислушиваясь к разговору взрослых. Арби узнал Маммида и Папаша, поглядывал на них с беспокойством.

Вдруг дядя Фёдор спросил:

— Вы этого мальчика знаете?

Все посмотрели на Арби.

— Он ведь из вашего аула.

— Это сын бедняги Махмуда, — сказал Хамид.

— Правда? Большой вырос, — удивился Папаш.

— Вот он вам сейчас ответит, — сказал Фёдор. — Арби, расскажи эту историю с твоим бывшим хозяином...

Арби придвинулся ближе и уже привычными словами стал рассказывать, как он шёл по улице, как его заметил Супани, как тому помогли «друзья», которые потом оказались убийцами. Особенно подробно он припомнил разговор на дороге у трупа Супани. Только имени Беки мальчик не упомянул ни разу.

— Слышали? — сказал Фёдор, когда Арби закончил свой рассказ. — А вот нашей дружбе пусть никто не помешает.

— Это верно, — кивнул Папаш.

— Арби, у кого ты жил в городе? — спросил Маммид, глядя в упор на мальчика своими умными, пронизательными глазами.

Арби молчал. Он беспомощно смотрел то на Хамида, то на дядю Фёдора. И зачем только он вернулся в аул? А вдруг Маммид неспроста задал этот вопрос? Ну конечно же, неспроста...

— Он жил с Бекой, — ответил дядя Фёдор, видя нерешительность мальчика: Арби совсем растерялся. Он озирался, точно пойманный зверёк. Разве можно упоминать имя Беки!

— Всё это время? — спросил Маммид.

— Да.

— Добрый человек Бека, — заметил Папаш, покосившись на Маммида.

Арби немного овладел собой, когда услышал эти слова. В ответ заговорил Маммид, и на душе у мальчика стало совсем легко.

— Не будь он добрым, он не взял бы на себя заботу о сироте. Я чувствую, он и отца ему заменил, и брата...

— А Бека говорил... — Арби испуганно запнулся.

— Что? — спросил Папаш.

— Что Маммид настоящий мужчина.

Маммид умел скрывать свои чувства, но все заметили, как потеплел его обычно суровый взгляд. Ещё бы — услышать такой отзыв

о себе, да ещё из уст кровного врага, который лишился дома, матери, был вынужден покинуть родной аул...

— А ты расскажи, Арби, почему он так говорил, — лукаво предложил дядя Фёдор.

Арби посмотрел на Ванюшку, и оба они засмеялись.

— Мы же видели вас в городе. И слышали через забор, как вы разговаривали. Я всё рассказал Беке. — И в неожиданном порыве Арби бросился к Маммиду: — Маммид, ты прощаешь Беку? Пожалуйста, прости, я тебя очень-очень прошу...

Маммид поднялся со ствола поваленного дерева. Он поочерёдно оглядел всех и торжественно сказал:

— Я давно уже в душе простил Беку. Бессовестно преследовать человека, чья вина — в злой случайности. А теперь, когда меня просит сирота, будьте свидетелями моему слову: отныне Бека не враг мне...

Над пропастью

Мулла Ислам тоже узнал, что в ауле появились русские.

Его сын Илес был среди ребят, которые дрались с Бексолтой, а после, перешёптываясь, провожали Бексолту и его неожиданных спасителей до самого дома.

Мулла совершал омовение, когда вошёл Илес. Мулла даже не повернулся в сторону сына: он бормотал молитву и поливал себе на руки из кувшина.

Илес нетерпеливо переминался с ноги на ногу.

— Ну, что тебе? — неприветливо спросил мулла, вытирая полотенцем лицо и руки.

— У Хамида гости! — выпалил Илес.

— Ну и что?

— Они русские.

— Как? — удивился мулла, и его рука с полотенцем на мгновение застыла у седой бороды.

— А это верно, что все русские — безбожники?

— Так же верно, как то, что аллах един.

— Зачем же Хамид пустил их к себе?

Мулла помедлил, постарался вместить в свой ответ как можно больше яда и злости:

— Потому что он сам безбожник. А кто побывает с безбожником под одной крышей, перед тем отверзаются врата ада. Смотри больше близко не подходи к сыну Хамида...

Возможно, ни Илес, ни Бексолта не смогли бы объяснить, почему они дрались в тот раз, когда гости увидели их на дороге. Разве не бывает у мальчишек такого, что они припомнят в подробностях весь ход драки, но никак не вспомнят главного — из-за чего она возникла?

Но сейчас Илесу пришлось туговато. Он давно помирился бы с Бексолтой — и в альчики сыграл бы, и в лапту, и, вполне возможно, стал бы на какое-то время его закадычным другом, но гореть за всё это в аду Илес не желал. Так он и заявил во всеуслышание, когда его позвали играть в альчики.

— Сами играйте с безбожниками, — решительно ответил Илес, — а я по аду не соскучился.

Ребята переглянулись, стали смеяться. Однако не все смеялись искренне. Двое, будто припомнив неотложные дела, вскоре ушли. Бексолта и Арби, смущённые, постарались отвлечь Ванюшку, который, хотя и прислушивался внимательно, ничего, к счастью, не понял. Решил, видно, что попросту сводятся давние счёты.

Бексолта, как радушный хозяин, отдал Ванюшке ровно половину своих альчиков — пять штук. Городскому гостю разрешили бросить биток первым. Он, не целясь, нарочно швырнул его далеко в сторону. Арби усмехнулся, а Бексолта искренне огорчился: пропали последние альчики...

Бросили биток остальные ребята, и каждый считал своим долгом подшутить над Ванюшкой:

— Ну как, не жалеешь, что начал?

— Выходи из игры, пока не поздно.

Но вот игру начали снова. Ванюшка примерился, пригладил светлые вихры и сразу сбил весь ряд.

— Это случайно, везёт же! — решили ребята.

Но Ванюшка уже начал выигрывать. Смех и шутки стихли — ребята не успевали ставить альчики на кон, один за другим с опустевшими карманами отходили в сторону. А у плетня росла и росла гора альчиков.

А когда игра закончилась, Ванюшка посмотрел на возбуждённые красные лица ребят, подмигнул Бексолте, разложил выигранные альчики на ровные кучки и раздал всем игравшим.

Наверно, царский подарок не мог удивить ребят сильнее, чем такое сказочное великодушие победителя. Теперь каждый хотел сыграть с Ванюшкой. Наперебой ребята учили его чеченским словам, задавали вопросы, отгоняли от гостя более нескромных и любопытных. Всем вновь подходившим сверстникам ребята уважительным шёпотом сообщали об удивительном поступке Ванюшки.

А в это самое время один из двоих ушедших мальчиков вёл возле своего дома важный разговор с отцом. Этот мальчик, Лом-Али, тревожился не только о себе, но и о Бексолте, с которым особенно

подружился в последнее время. Вдруг Илес говорит правду и Бексолте одному из первых предстоит гореть в аду?

— Откуда ты это взял? — удивился отец. Он даже дрова перестал колоть, с размаху вогнал топор в чурку, сдвинул на затылок огромную папаху.

— Илес говорит...

— Ну, начали отраву сеять, — махнул рукой отец и снова взялся за топор.

Лом-Али не разобрал смысла этих слов, но понял главное: Илес наврал. Надо немедленно рассказать ребятам и сообща надавать Илесу хороших тумаков. Сделать это было нетрудно: Илес, хотя и опасался адского огня, но часто появлялся у дома Бексолты. Он с завистью смотрел, как играют ребята, а дядя Фёдор, отложив в сторону колесо от арбы, мастерит что-то наподобие лука и стрел, вытачивает деревянную саблю.

Но когда ребята во главе с Лом-Али набросились на него, Илес, задыхаясь под грудой навалившихся тел, выкрикивал сквозь рыдания всё те же слова про ад и безбожников. Дядя Фёдор едва разнял дерущихся.

Зато на другой день Илес услышал удивительный разговор между своим отцом и Ибрагимом, их соседом.

— Мулла Ислам, — сказал Ибрагим. — Я видел издали, как мальчики дрались, и твой тоже. Я хотел их разнять, но русский гость меня опередил. Драться нехорошо, а сыну такого почтенного человека особенно.

— Верно, верно, — закивал мулла козлиной бородкой, повернулся к сыну, ткнул его посохом и строго спросил: — Ты почему дерёшься?

— Лом-Али первый пристал! — захныкал Илес.

— За что он тебя?

— Я сказал, кто дружит с русским — будет гореть в аду.

Мулла смущённо захихикал, Ибрагим нахмурился, отвёл взгляд. С превеликим удовольствием мулла выместил бы сейчас на сыне свою злость: время тревожное, беднота тянется к этим безбожникам. Но, пожалуй, лучше превратить всё в шутку. Изобразив на лице подобие улыбки, мулла сладким голосом сказал Илесу:

— Кто не захочет, никогда не станет безбожником, с кем бы он ни дружил.

Илес удивился, открыл было рот, но мулла снова ткнул его в спину своим посохом и тут же суетливо заговорил:

— Ох уж эти дети, чего только не выдумают! Не разберут, не расслышат...

Вот тебе и раз! Илес совсем повесил голову. Выходит, он сам всё это выдумал? И сам же больше всех боялся?

А ребята уже бегают по аулу с деревянными саблями и луками, которые мастерит этот русский солдат. Они все прилипли к дому Бексолты, слушают рассказы солдата, играют с Арби и Ванюшкой. Его, Илеса, они больше не трогают, но и внимания на него не обращают.

Вот и теперь они шагают в лес, окружив дядю Фёдора...

Илес долго стоял на противоположной стороне улицы, не зная, как ему поступить, а потом поплёлся следом.

Ребята изображали из себя настоящих охотников: рассыпались по лесу, вспугивали «дичь», гонялись за ней, а устав, валились на траву и требовали от дяди Фёдора всё новых рассказов про город, про войну, про автомобили и паровоз...

Не успел дядя Фёдор закончить одну из своих занимательных историй, как откуда-то донёсся отчаянный вопль:

— На-на!

Дядя Фёдор вскочил:

— Что там стряслось?

Он побежал, прихрамывая, через лес в ту сторону, откуда звали на помощь.

Ребята не отставали от него, закрываясь руками от хлеставших по лицу веток.

Внезапно лес оборвался. Впереди, по склону высокой горы, вдоль глубокого ущелья, вилась тропа. Дядя Фёдор заглянул в пропасть и увидел мальчишку — тот висел над бездной, крепко вцепившись в корень дерева.

Дядя Фёдор сбросил ремень, обвил им куст орешника и тоже свесился в пропасть. Свободной рукой он ухватил руку мальчика.

— Отпусти корень! — крикнул он.

Мальчишка, позеленевший от ужаса, смотрел широко раскрытыми глазами, не понимая, что ему говорят, и ещё судорожнее сжимал корень.

В это время сверху, с горы, спускался Папаш с охотничьим ружьём за спиной. Комья земли сыпались у него из-под ног. Он

спрыгнул на тропу и прежде всего схватил за руку дядю Фёдора, чтобы тот не сорвался.

— Тяни наверх! — скомандовал дядя Фёдор.

Папаш зацепился ногой за дерево, росшее на самом краю пропасти, и потянул Фёдора наверх, тот потянул за собой мальчишку, упираясь локтем в острые уступы обрыва. Лишь теперь мальчик выпустил корень.

Едва над краем обрыва показалось его искажённое страхом лицо, как ребята закричали:

— Илес!

Илес дикими глазами смотрел на ребят, на взрослых — он ещё не мог прийти в себя.

— Как ты здесь очутился? — спросил Папаш.

Илес, кажется, лишь теперь осознал случившееся.

Он опустился на дорогу и, дрожа всем телом, громко заплакал. Ванюшка и Бексолта присели рядом, стали утешать.

Дядя Фёдор, прихрамывая, снова подошёл к пропасти, глянул вниз и отшатнулся, ухватившись за дерево. Он отошёл назад и сказал с улыбкой:

— Странно создан человек! За пять минут до этого я не думал об опасности, в голове одно было: спасти мальчишку. А посмотрел, и жутко стало...

Илес понемногу пришёл в себя. Ребята повеселели. Арби отдал Илесу своё ружьё, Ванюшка — саблю. Илес рассказал, что он хотел сорвать орех и поскользнулся — счастье, успел за корень ухватиться.

— Да, — задумчиво произнёс Папаш. — Родители его всю жизнь должны тебя, Фёдор, благодарить, от верной гибели спас ты мальчишку...

Весть о спасении сына муллы, Илеса, в тот же день разнеслась по всему аулу на быстрых мальчишеских ногах.

— Ты чего, шайтан, шлялся в лесу? — свирепо допрашивал мулла сына.

Илес плакал и прятал лицо в широкой юбке матери.

— Из-за тебя все ждут теперь, чтобы я шёл спасибо говорить этому безбожнику — из тех, что восстали на бога и царя. Будь ты проклят вместе с ними!

Мать вступилась за сына:

— Ну и что, если в лес пошёл? Не окажись там безбожника, у нас над аулом пели бы сейчас похоронные молитвы. Да продлит аллах его дни!

— Замолчи! — в бешенстве закричал мулла.

Мать увела сына в другую комнату, а мулла Ислам долго сидел, горестно задумавшись. Что, если не пойти? Нет, любой отец пошёл бы на его месте. Не пойдёшь — назовут неблагодарным, бесчестным человеком, уважать перестанут. Ничего не поделаешь, придётся идти, только пусть весь аул про это знает...

Сквозь сумерки, опустившиеся на пустынные улицы и низкие домики аула, слабо пробивались оранжевые лучики света от керосиновых ламп. Мулла в нарядном зелёном одеянии — чапане — медленно брёл по дороге и с затаённой обидой поглядывал вокруг. Как назло, ни одного человека! Кто же поведает людям о его благородном поступке?

Недавно мулла Ислам получил весточку от имама Узун-хаджи, будущего правителя мусульманского государства. Имам сообщал всем муллам, что безбожники гибнут в войнах, что недолго осталось ждать — объединятся Дагестан и Чечня. Тогда восторжествует ислам и «неверные» будут изгнаны; аулы, которые попробуют сопротивляться, будут разорены. Но в сердцах мусульман нужно будить ненависть к безбожникам — таково было главное повеление имама. А делать это следует осторожно, через верных людей. Если не считать нескольких дворов, весь аул в любую минуту готов идти на подмогу рабочим города. Это мулла знал хорошо. Знал он и то, что почётными, дорогими гостями во многих аулах стали русские рабочие и солдаты. Мутят умы правоверных мусульман. Только и разговору в горах, что про безбожников: благородные они, мол, люди, они и «леворюци» сделали для счастья народов...

Мулла, заметив, что из одного двора вышел человек, ускорил шаг, притворно закашлялся. Человек остановился, обождal и поздоровался. Это был Зяуди, отец Лом-Али. Не успел Зяуди и рта раскрыть, как мулла Ислам выложил:

— Вот иду к Хамиду. Всю жизнь буду благодарен его гостю. Ты слышал?

— Да, Лом-Али там был.

— Подумать, вытянул моего сына, как лягушонка! Разве это не геройство? Другой бы и не решился, а он вытащил. Слава аллаху — это он, конечно, придал отваги чужому человеку, который не знает наших мест. Вот иду большое спасибо сказать.

И мулла, приосанившись, зашагал дальше. А Зяуди долго ещё стоял на дороге и смотрел ему вслед. Ну и диковинка! Не иначе завтра вместо одного два солнца засияют в небе!

Обычаи гостеприимства священны

Дядя Фёдор готовился к отъезду и ожидал сигнала от своих.

Город Грозный был уже в руках белогвардейцев, и вести доходили самые страшные: рабочих, большевиков расстреливают, вешают. Близлежащие аулы, которые не покорились им, деникинцы сожгли, сровняли с землёй, в других объявили мобилизацию: от каждого одиннадцати дворов — по одному коннику в полном снаряжении. Кроме того, они потребовали от всех чеченских аулов немедленной выдачи русских.

И вот наступил день, когда жители аула по зову муллы Ислама собрались на площади у мечети. Никто не знал толком, зачем их созвали, каждый пытался узнать у другого.

Появился мулла, и все притихли.

— Как вы знаете, — начал мулла, — у нас в ауле есть русские. Я никакого зла против них не имею; солдат даже спас жизнь моему сыну, а такое вовек не забывается. Но власти, как это ни печально, требуют выдачи всех русских...

— Какие власти? — крикнули из толпы.

— Ну те... что сейчас, — замялся мулла.

— Наша власть — мы сами! — крикнул тот же голос.

Хамид посмотрел поверх мохнатых папах и увидел возбуждённое лицо Ибрагима. «Спасибо, друг», — про себя поблагодарил Хамид.

— Как же можно без власти? — растерялся мулла. — Сами подумайте.

— Наша власть — большевики, — твёрдо сказал Хамид. — Скоро они вернутся, и наши гости сами выйдут им навстречу.

— Быстро бежит река, да не всегда с морем сливается, — ядовито возразил мулла. — А кто будет скрывать русских, навлечёт беду на весь аул.

— Погоди-ка, мулла Ислам. — Вперёд вышел старик с белоснежной по пояс бородой. Он поднял длинный посох и закричал, потрясая им — Кто посмеет нарушить завещанные нам отцами вековые обычаи гостеприимства? Кто посмеет предать гостя? Вы

знаете, случилось, горцы погибали, защищая жизнь гостя, если даже сам он не спас в ауле ни одной жизни...

Мулла Ислам понял намёк и пожал плечами. А площадь гудела:

— Среди нас нет предателей!

— Обычаи гостеприимства священны!

Когда шум немного стих, мулла сказал мягко:

— Это не предательство, а наша обязанность. Соседние аулы её уже выполнили. Зачем же нам идти против всего народа? Подумайте хорошенько, прежде чем решать. Наши соседи тоже не глупые люди...

— Верно, мулла! — раздался молодой голос.

Все оглянулись, чтобы видеть, кто поддержал муллу. А тот уже сам протолкался вперёд, в середину. Никто в ауле не знал этого юношу. Обрадованный мулла закивал головой. Незнакомец продолжал:

— Мы, ваши соседи, тоже не глупцы и знаем, что устоит лишь та крепость, защитники которой дружны и едины. Вчера в нашем ауле была сходка, и знаете, что мы сказали?

Люди презрительно молчали. Только лентяй Гома, ещё более жалкий и ободранный, чем всегда, высунулся вперёд:

— Говори!

— Мы ответили: не предадим!

Гул одобрения и радости прокатился над площадью.

Мулла не решился продолжать спор и осторожно ускользнул домой.

«Пусть делают как хотят. Нельзя спорить с народом, когда уже видишь, что своего не достигнешь. Вот Супани этого не понимал и погиб страшной смертью, а люди радуются», — мысленно оправдывался мулла перед своими вчерашними ночными гостями — владельцем отар овец Жабраилом и муллой Хасаном из соседнего аула. Это они передали ему важное поручение — выдать русских.

Долго не спали вчера мулла и его гости. Мулла Хасан говорил:

— Белогвардейцы хотя и русские, но наши друзья. Нам нужны союзники, которые умеют вести хозяйство. А у большевиков ни кола ни двора.

Жабраил перебил его:

— О чём разговор! Мулла Ислам и сам не маленький, понимает, с кем нам по пути.

— И откуда аллах принёс их на наши головы! — скорбно вздыхал мулла Хасан.

— Завтра мы выпроводим русских, — заверял муллу Ислама богач Жабраил, умалчивая, что они едва унесли ноги из своего аула.

Ночные гости надеялись, что смогут потом ставить в пример односельчанам соседей, потому так и уговаривали муллу Ислама. Слышали бы они сейчас, как он шепчет им вслед:

— Моё дело — сторона, пусть решают, как хотят...

А у Хамида и Санет в эту ночь тоже был новый гость. Он растормошил уснувшего Арби, Ванюшку, Бексолту, крепко обнялся с дядей Фёдором и Хамидом, низко поклонился Санет.

— Как ты возмужал, Бека, — порадовалась она.

— Видишь, друг, — невесело пошутил дядя Фёдор, — у тебя больше нет врагов в ауле, зато из-за меня пришлось тебе прятаться от солнца.

— Ничего, — засмеялся Бека. — Я теперь ночная птица.

Он не спешил рассказывать, что пришёл в аул как связной между штабом партизан в горах и подпольной организацией города. Местный житель, которому ведома в горах каждая тропка, он, кроме того, был проводником для тех, кого приходилось срочно переправлять к своим.

Мальчики не сразу сообразили, что уходить с Бекой собирается один только дядя Фёдор. Арби, услышав строжайшее повеление оставаться в ауле, вздохнул, но Ванюшка взбунтовался:

— Важные дела. Кон-спи-ра-тивные. Мы же маленькие, — говорил он, задыхаясь от горькой обиды.

— Если ты в самом деле наш помощник, ты останешься, — настаивал дядя Фёдор. — Думаешь, это смелость? Нет, малодушие. По-твоему, я к своим не рвался? А ведь ждал. И вы дождётесь. Но пока не позовём, чтоб духу вашего в городе не было. Это я тебе, Ванюшка.

Ванюшка глянул исподлобья: прямо мысли читает этот дядя Фёдор. Ведь он-то думал сейчас, что Арби — проводник не хуже Беки, и можно, не откладывая в долгий ящик...

— Ладно, — сказал он мрачно. — Есть оставаться, пока не позовут!

Дядя Фёдор и Бека начали прощаться, но Хамид решительно сказал:

— Я с вами, товарищи. Большевики говорят, что власть принадлежит рабочим и крестьянам. Значит, мы, крестьяне, в трудную минуту должны быть защитниками своей власти...

Дорогой к Беке и дяде Фёдору присоединились Маммид, Папаш, Ибрагим и ещё несколько вооружённых горцев. Один за другим они бесшумно возникали из темноты, чтобы спешить на помощь тем, кто в крови и огне бился с врагом.

Бронепоезд идет вперед

Зато мальчишки с этого дня начали всерьёз ссориться.

— Нужно было идти следом, и всё, — говорил Ванюшка и косился на Арби. — Самим нам, ясное дело, дорогу не найти, и показать некому.

Арби пропускал обидный намёк мимо ушей.

— А ты забыл своё обещание?

— Мне тут делать нечего.

— Если и нечего, надо ждать. Думаешь, это смелость?

— Знаю. Малодушные, — пренебрежительно перебивал Ванюшка. — А чужие слова повторять — это...

— Похоже, у нас скоро и дружба врозь, — печально говорил Арби.

Тогда Ванюшка умолкал.

Такие ссоры повторялись изо дня в день, лишь с небольшими изменениями. Бексолта в них обычно не вмешивался. Он внимательно слушал одного и другого и всякий раз склонялся на сторону Арби — очень ему не хотелось, чтобы друзья ушли. А кроме того, разве можно послушаться такого человека, как дядя Фёдор!

Однажды Ванюшка заявил:

— Я своё слово сдержу. Буду ждать ровно неделю.

Не прошло и трёх дней — в аул вернулись двое раненых. Ребята вслед за взрослыми помчались узнавать новости. Стараясь выглянуть из-за спины пожилого горца, Ванюшка слушал сбивчивый рассказ.

— Косят всюду. Белым достаётся. Крепко. Наших с каждым днём всё больше. Дерутся — просто львы. Мы даже не ожидали, что рабочие так умеют. Но и горцы врагу спину не показывают...

В те минуты, когда затихали расспросы или один из раненых не сразу находил ответ, издалека доносились глухие раскаты — это грохотали пушки, а мальчикам казалось, что они зовут их в город, на подмогу своим, на геройские подвиги. Не только Ванюшка, но и Арби приуныл, не вступал в споры с другом. Ребята из аула почти не навещали их, у каждого хватало своих забот.

Прошла неделя. Как уговорились ещё накануне вечером, мальчики, даже не попрощавшись с Бексолтой и Санет, вышли на дорогу, ведущую в город. Арби утешал себя тем, что Бексолта всё поймёт и объяснит матери, а у Санет Арби сам попросит прощения — ведь очень скоро они с Бекой вернутся сюда уже надолго...

Громче, грознее звучали выстрелы, стрекотали пулемёты. С горки ребята увидели, что дорога круто сворачивает в сторону и делает большой крюк. Решили идти напрямик, через поросшее травой поле.

Вскоре они добрались до окраины города и остановились около железнодорожного полотна.

— Кажется, поезд шумит... — пробормотал Арби.

И в самом деле на рельсах показался бронепоезд.

Ванюшка разобрал яркую надпись на паровозе:

— «Бо-рец за власть и сво-бо-ду тру-до-во-го...» Ура! Наши!

— Наши! Наши! — закричал Арби, как только разглядел красный флажок.

Ванюшка снял фуражку и, размахивая ею, завопил:

— Эй, на бронепоезде! Э-эй!

Их заметили. Бронепоезд, тяжело отдуваясь, замедлил ход и остановился. Отворилась дверца, на землю прыгнул солдат с красной лентой на рукаве.

— Дядя Коля, машинист! — узнал Ванюшка. — Ой, бежим!

И оба кинулись бежать обратно, в сторону поля.

— Ванюшка! — догнал их властный голос. — Назад!

Ребята нехотя двинулись навстречу дяде Коле.

— Что это значит? — сурово спросил машинист.

Ванюшка отвернулся. Арби решил выручить друга, а заодно и себя.

— Мы ждали наших в ауле. Целую неделю. А после подумали, что про нас, наверно, забыли... Хлопот ведь много. А мы, может, и пригодимся...

— «Пригодимся»! — передразнил дядя Коля и улыбнулся.

В эту секунду Ванюшка взглянул направо и вдруг заметил отряд всадников, что летел во весь опор прямо на бронепоезд.

— Ой, кто это?

Дядя Коля вздрогнул и тут же помахал рукой в сторону бронепоезда:

— Товарищи! Казачий отряд! — И скомандовал ребятам: — Ложись!

С бронепоезда застрекотали пулемёты. Сквозь траву было видно, как растерянно остановились, заматались всадники, беспорядочно повернули назад.

— Ишь какие, — сказал дядя Коля. — Решили внезапной атакой захватить бронепоезд. Губа не дура! Ну, сорванцы, некогда тут с вами возиться...

Ребята взобрались на подножку паровоза, и крепость на колёсах двинулась к городу. Но у моста дядя Коля высадил непрошенных пассажиров.

— Бегите к Варваре, ясно? И никуда больше. Морока мне с вами.

Отсюда уже отчётливо можно было слышать каждый выстрел. Бой в городе не прекращался.

Варвара, Ванюшкина тётка, жила за слободкой. Пробираясь к её дому по опустевшим улицам, ребята издали видели марширующие по городу вооружённые отряды рабочих. Иногда, размахивая саблями, отстреливаясь, пролетал всадник на коне.

Ванюшка сперва всё оглядывался, потом остановился.

— Слушай, а ведь тётка Варя нас сразу под замок. А вдруг нашим помощь понадобится?

И оба, не сговариваясь, свернули в ближайшую подворотню.

Отсюда можно было разглядеть, что линия фронта протянулась от моста до самого парка. Со всех сторон доносилось отчётливое «та-та-та» пулемётов, гремело временами грозное могучее «ура-а-а», звучали победные выкрики и лихой посвист горцев.

— Надо через мост перебраться на ту сторону, — сказал Арби, и они, пригибаясь к земле, двинулись вдоль стены дома.

Впереди санитарка тащила раненого. Мальчики хотели было помочь, но тут Ванюшка узнал свою мать и скользнул в другую подворотню. Точно вдогонку ребятам, просвистело несколько пуль. Это отстреливался один из белых офицеров. Он бежал без фуражки —

видно, потерял в атаке. Миновав подворотню, где притаились ребята, офицер остановился и прицелился из нагана в горца-всадника. Ванюшка и Арби одновременно метнули два камня. Офицер схватился за голову, выронил наган. Подоспевший всадник соскочил с коня.

— Папаш! — крикнул Арби.

Папаш тоже узнал их.

— А ну, прочь отсюда! Вон туда бегите.

Но для чего было бежать, если атаку врага, судя по всему, уже отбили?

Ванюшка подобрал наган офицера, и мальчики стали совещаться, с какой позиции для них удобнее всего ожидать следующую атаку. К ним подошли ещё несколько горцев. Тут были Хамид, Бека, остальных ребята не знали.

— Они мне жизнь спасли, — сказал Папаш, увидев рассерженное лицо Беки.

Но Бека ничего и слышать не хотел. Отругал мальчишек и строго потребовал, чтобы они немедленно убирались отсюда. Ванюшка спрятал наган под рубаху.

— Хорошо, — сказал он миролюбиво. — Мы уходим.

— Живо убирайтесь!

— Мы к тётё Варё! — заискивающе крикнул Ванюшка вслед уходящим бойцам.

Но ушли ребята недалеко. Спрятались в той же самой подворотне. Бой возобновился. Когда ребята решили, что прошло достаточно времени и на своих они уже не наскочат, Ванюшка предложил:

— Два патрона твои, два — мои. Согласен?

— Хорошо. Ты стреляй первым.

И они уверенно вышли на самую середину улицы.

Ванюшка шёл впереди и с восхищением разглядывал наган. Тут и угодила в него шальная пуля.

Арби склонился над другом, закричал испуганно:

— Ванюшка!

Тот попытался встать, но не смог и застонал жалобно.

Арби крикнул громче:

— Ой, Ванюшка! — а потом опустился прямо на камни мостовой и закрыл лицо руками.

Арби и сам не помнил, сколько просидел он возле своего раненого друга. Если бы не наткнулся на него незнакомый всадник, он, наверно, до темноты оставался бы там в оцепенении.

Всадник поднял бредившего Ванюшку в седло и повёз в госпиталь. Тогда Арби поднялся и побрёл по улице, сам не зная куда. Потом вспомнил про наган, вернулся и поднял его с мостовой.

Только поздно вечером наткнулся на мальчика Бека, искавший ребят по всему городу.

— А где Ванюшка? — спросил он с тревогой.

Арби молча протянул Беке наган и заплакал.

— Что случилось?

— Отомсти за Ванюшкину рану...

Эпилог

Утро было ослепительно ярким. Но, казалось, ярче солнца сиял в это утро черноглазый мальчишка, шагавший по широкой улице. На нём была чистая, белоснежная рубашка, за спиной — чёрный глянцеви́тый ранец. Не близкую дорогу выбрал он сегодня к школе, но разве можно сесть за парту, не повидав больного друга?

Вот уже вторую неделю ходит Арби в школу, но и дня не пропускает, чтобы не навестить раненого Ванюшку.

Ванюшкина койка — у самого окна. Арби перепрыгивает канаву, барабанит пальцами по стеклу, и в окне, как в рамке, появляется рыжая голова.

Арби уже рассказывал другу, что в их школе самый строгий и заботливый директор — дядя Фёдор, что он, Арби, теперь знает все буквы. Скоро в школе ребят будет ещё больше — приедут из аулов. Бексолта, наверно, тоже приедет.

А сегодня Арби гордо сообщает:

— Я целое слово написал. Сам.

Он разворачивает лист бумаги. Красивыми печатными буквами там выведено: «ВАНЮША».

И оба мальчика от души смеются.

— Когда тебя выпишут?

— Доктор сказал — скоро.

— Ну, не скучай. Сегодня к тебе дядя Фёдор придёт. Он тебя каждый день ругает: вот, говорит, мальчишка, который от всех отстал исключительно по собственной вине. Ну, я побегу, а то опоздаю.

— Ис-клю-чи-тель-но, — шёпотом повторяет Ванюшка заковыристое слово и качает головой. — Погоди, а ещё что нового?

— Всё, всё новое. Главное — выходи поскорее!

И Арби, помахав другу рукой, вприпрыжку бежит к школе.

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.com](http://Royallib.com)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)